

Культура, 2000, 22–28 июня, с. 10

Художник должен уметь все

Фирменный знак Зураба Церетели

В 1964 году произошло чудо: Зураб Церетели не только ступил через чур – преступил черту "железного занавеса", но и попал со своими картинами в мастерскую Пабло Пикассо: "У этого молодого художника хорошее начало. Он глубоко чувствует цвет, обобщает форму. Мне кажется, он будет великим живописцем. Хорошие традиции перешли к нему от Пирсами, творчество которого помогло мне, когда я сам был молодым художником".

Пицунда. Рекреационный комплекс

Зураб Церетели родился в 1934 году. В семье своего дяди – художника Георгия Никарадзе – он получил первые уроки рисования и живописи. В качестве "живых учительей" он еще застал в родном Тбилиси "парижан-авангардистов" 10–20-х годов: Давида Какабадзе, Ладо Гудиашвили, Елену Александровну, скульптора Якова Николадзе – ученика Родена. Его учили русские профессора Шухев, Шарлеман, Лансере, скажавшие от Сталина на Кавказе.

В 1950 году Георгий Никарадзе устроил в своей мастерской – совсем еще юному художнику первую выставку. От нее Зураб Церетели и ведет отчет длинной учеющей истории его творчества. После окончания в 1958 году Тбилисской академии художеств начались многолетние труды художника-монументалиста Зураба Церетели. И первым его большим объектом была Пицунда.

В СССР 60-х годов, в социкультурной ситуации "оттепели" и обновления жизни, потребовалась особый тип художника – художника-полипрофессионалом. Который соединял бы в одном лице одновременно: рисовальщика и живописца, скульптора и нового тогда профессионала-дизайнеца, ландшафтного и предметного архитектора. И, самое главное, этот художник-полипрофессионал должен быть еще и организатором-руководителем художественной артели, суметь в единстве деятельности разно-предметных и разногороднических специалистов, согласованно и дружно работающих в единой художественной артели.

Став главным художником строящегося рекреационного комплекса Пицунды, Зураб Церетели сумел собрать вокруг себя талантливых мастеров. Так, в единство ландшафтно-архитектурной композиции Пицунды вошли монументальная живопись Н.Иагарова, декоративная стена Э.Бердзенишивили, скульптуры М.Бердзенишивили, Г.Очиани, Г.Каладзе, А.Мchedlishvili, малые формы В.Обреладзе, барельефы А.Ратiani, чеканка В.Кокишвили и А.Горгадзе, панно О.Кочакидзе, А.Славинского, И.Инакидзе, эмблемы Э.Амашукели, Г.Аджиани, разные, разные по дереву, отливки из бронзы, керамика других художников. И, наконец, в комплекс Пицунды вошли мозаичные и скульптурные работы самого Зураба Церетели.

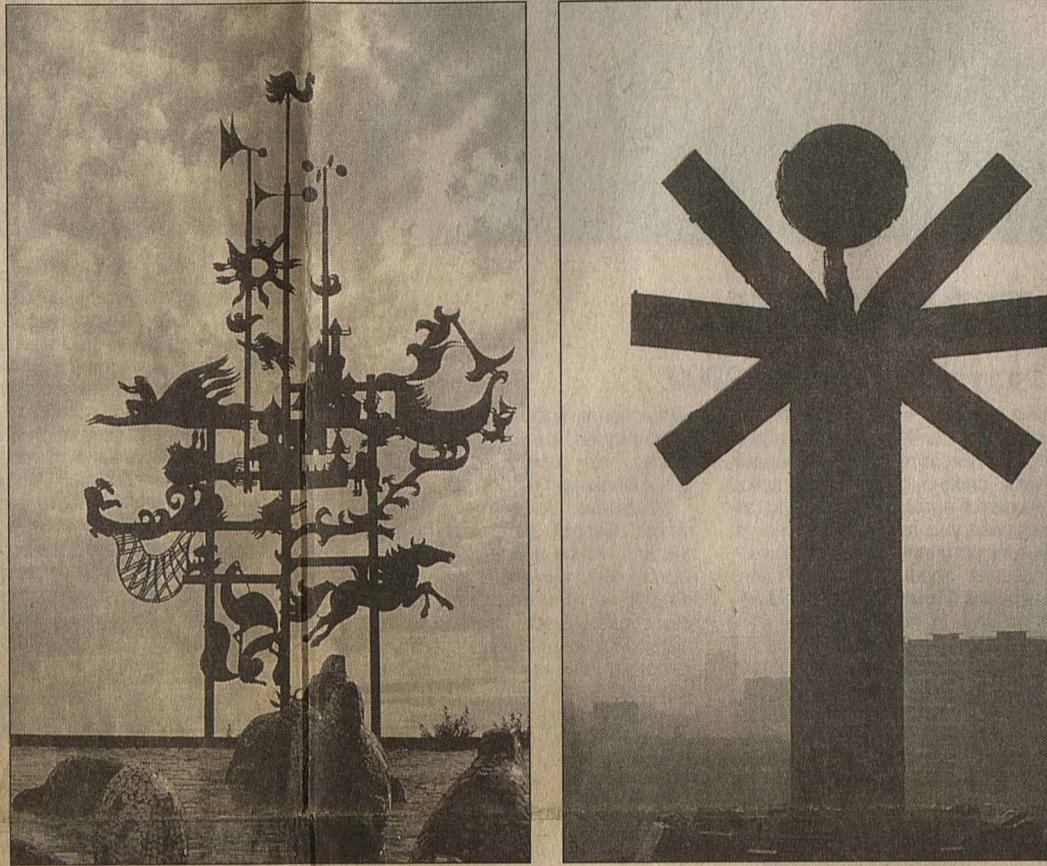
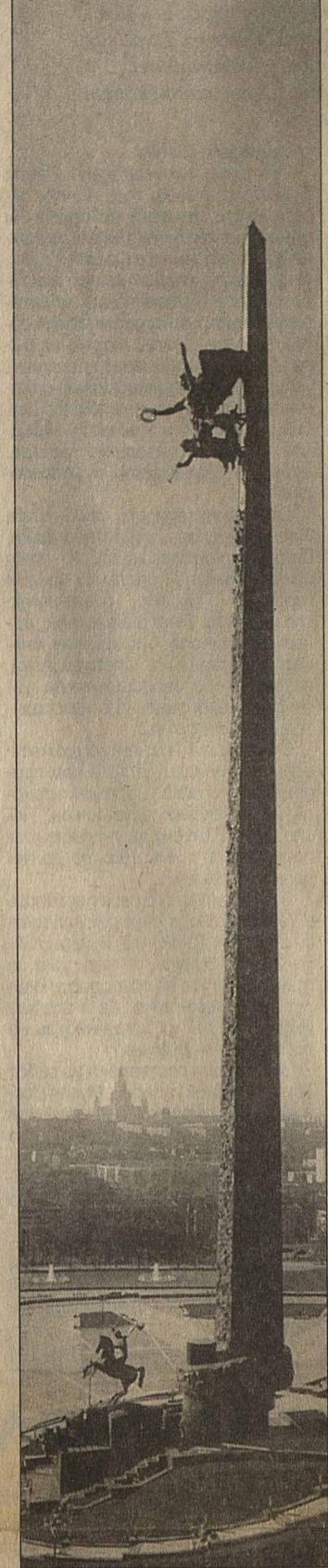
Ему повезло: еще в 1964 году во Франции во время первой своей поездки за границу он встретился с Пикассо и Шагалом. В мастерской Шагала ему довелось даже поработать. "Во Франции я понял: художник может делать все – и скульптуру, и фарфор, и витраж, и мозаику. Я видел, как Шагал создает витражи, как Пикассо занимается не только живописью, но и литьем, и ростись то по фарфору, и керамикой. Я вернулся оттуда готовым к работе и начал изучать мозаику, витражи".

Ландшафт черноморского мыса Пицунда с его рельефной сосновой на фоне живописных гор Западного Кавказа сам по себе является произведением высокого искусства. Помимо природной красоты, Пицунда несет в себе еще и историко-смысловые знаки легендарной Колхиды с ее золотыми рунами, колобром "Аргос", аргонавтами, мореплавателями Ясоном, троянской Медеей.

Основные работы коллектива художников, обединенных темой любви к древнерусской культуре и благодаря глубокому знанию этой культуры выявивших целостность умной культуры-исторической концепции монументального комплекса, работы, выполненные различными видами, жанрами, материалами и техниками, объединены в три группы: элементы внешнего оформления зданий и сооружений, художественные работы в интерьерах и "самостоятельные" объекты как элементы ансамбля.

Композиция из трех живописно-пластических объектов Зураба Церетели была его первым проявлением в эстетике постмодернизма. Центральный из объектов, опять же с эстетической целью – скажем теперь просто: с целью обмана зрителя, обратился к этому символу, который будет со провождать его всю творческую жизнь (по представлениям древних народов, "древо жизни" обладало сверхъестественными свойствами: оно было источником плодородия, мудрости, знания всех тайн и, что важнее всего, источником бессмертия).

Линии абстракционизма в мозаиках Зураба Церетели продолжают в оформлении интерьеров – мозаичные композиции "Хевсурский орнамент", "Хохла", "Грузинский орнамент". Вкупе с мозаиками на пленко-ричи задали важную сквозную тему в постмодернистическую живописно-пластическое решения ансамбля.

Монумент Победы на Поклонной горе (Москва)

Административное здание курорта (Пицунда)

Декоративный флагер (Адер)

Монумент "Счастье народа" (Тбилиси)

Брокпорт (США). "Счастье детям всего мира"

Так начали складываться в работах Зураба Церетели концепция монументального ансамбля и ее практическое воплощение. Теперь мы видим, что встроенный в природную и городскую среду монументальный ансамбль является одновременно и живописным произведением, и скульптурой, и инсталляцией, и дизайн-объектом, и функциональным (архитектурным) сооружением. Церетели – художник современный, работающий в тесной связи с архитектором, и тем самым он изначально становится архитектурным ансамблем.

Потом Зураб Церетели повторил своего "Прометея" – уже как истинно монументальное произведение – в другом ландшафтном среде и на очень высоком постаменте. Уmeno вписал его в уже существующий архитектурный ансамбль.

Зураб Церетели повторил своего "Прометея" – уже как истинно монументальное произведение – в другом ландшафтном среде и на очень высоком постаменте. Уmeno вписал его в уже существующий архитектурный ансамбль.

Зураб Церетели повторил своего "Прометея" – уже как истинно монументальное произведение – в другом ландшафтном среде и на очень высоком постаменте. Уmeno вписал его в уже существующий архитектурный ансамбль.

Зураб Церетели повторил своего "Прометея" – уже как истинно монументальное произведение – в другом ландшафтном среде и на очень высоком постаменте. Уmeno вписал его в уже существующий архитектурный ансамбль.

Зураб Церетели повторил своего "Прометея" – уже как истинно монументальное произведение – в другом ландшафтном среде и на очень высоком постаменте. Уmeno вписал его в уже существующий архитектурный ансамбль.

Зураб Церетели повторил своего "Прометея" – уже как истинно монументальное произведение – в другом ландшафтном среде и на очень высоком постаменте. Уmeno вписал его в уже существующий архитектурный ансамбль.

Зураб Церетели повторил своего "Прометея" – уже как истинно монументальное произведение – в другом ландшафтном среде и на очень высоком постаменте. Уmeno вписал его в уже существующий архитектурный ансамбль.

Зураб Церетели повторил своего "Прометея" – уже как истинно монументальное произведение – в другом ландшафтном среде и на очень высоком постаменте. Уmeno вписал его в уже существующий архитектурный ансамбль.

Зураб Церетели повторил своего "Прометея" – уже как истинно монументальное произведение – в другом ландшафтном среде и на очень высоком постаменте. Уmeno вписал его в уже существующий архитектурный ансамбль.

Зураб Церетели повторил своего "Прометея" – уже как истинно монументальное произведение – в другом ландшафтном среде и на очень высоком постаменте. Уmeno вписал его в уже существующий архитектурный ансамбль.

Зураб Церетели повторил своего "Прометея" – уже как истинно монументальное произведение – в другом ландшафтном среде и на очень высоком постаменте. Уmeno вписал его в уже существующий архитектурный ансамбль.

Зураб Церетели повторил своего "Прометея" – уже как истинно монументальное произведение – в другом ландшафтном среде и на очень высоком постаменте. Уmeno вписал его в уже существующий архитектурный ансамбль.

Зураб Церетели повторил своего "Прометея" – уже как истинно монументальное произведение – в другом ландшафтном среде и на очень высоком постаменте. Уmeno вписал его в уже существующий архитектурный ансамбль.

Зураб Церетели повторил своего "Прометея" – уже как истинно монументальное произведение – в другом ландшафтном среде и на очень высоком постаменте. Уmeno вписал его в уже существующий архитектурный ансамбль.

Зураб Церетели повторил своего "Прометея" – уже как истинно монументальное произведение – в другом ландшафтном среде и на очень высоком постаменте. Уmeno вписал его в уже существующий архитектурный ансамбль.

Зураб Церетели повторил своего "Прометея" – уже как истинно монументальное произведение – в другом ландшафтном среде и на очень высоком постаменте. Уmeno вписал его в уже существующий архитектурный ансамбль.

Зураб Церетели повторил своего "Прометея" – уже как истинно монументальное произведение – в другом ландшафтном среде и на очень высоком постаменте. Уmeno вписал его в уже существующий архитектурный ансамбль.

Зураб Церетели повторил своего "Прометея" – уже как истинно монументальное произведение – в другом ландшафтном среде и на очень высоком постаменте. Уmeno вписал его в уже существующий архитектурный ансамбль.

Зураб Церетели повторил своего "Прометея" – уже как истинно монументальное произведение – в другом ландшафтном среде и на очень высоком постаменте. Уmeno вписал его в уже существующий архитектурный ансамбль.

Зураб Церетели повторил своего "Прометея" – уже как истинно монументальное произведение – в другом ландшафтном среде и на очень высоком постаменте. Уmeno вписал его в уже существующий архитектурный ансамбль.

Зураб Церетели повторил своего "Прометея" – уже как истинно монументальное произведение – в другом ландшафтном среде и на очень высоком постаменте. Уmeno вписал его в уже существующий архитектурный ансамбль.

Зураб Церетели повторил своего "Прометея" – уже как истинно монументальное произведение – в другом ландшафтном среде и на очень высоком постаменте. Уmeno вписал его в уже существующий архитектурный ансамбль.

Зураб Церетели повторил своего "Прометея" – уже как истинно монументальное произведение – в другом ландшафтном среде и на очень высоком постаменте. Уmeno вписал его в уже существующий архитектурный ансамбль.

Зураб Церетели повторил своего "Прометея" – уже как истинно монументальное произведение – в другом ландшафтном среде и на очень высоком постаменте. Уmeno вписал его в уже существующий архитектурный ансамбль.

Зураб Церетели повторил своего "Прометея" – уже как истинно монументальное произведение – в другом ландшафтном среде и на очень высоком постаменте. Уmeno вписал его в уже существующий архитектурный ансамбль.

Зураб Церетели повторил своего "Прометея" – уже как истинно монументальное произведение – в другом ландшафтном среде и на очень высоком постаменте. Уmeno вписал его в уже существующий архитектурный ансамбль.

Зураб Церетели повторил своего "Прометея" – уже как истинно монументальное произведение – в другом ландшафтном среде и на очень высоком постаменте. Уmeno вписал его в уже существующий архитектурный ансамбль.

Зураб Церетели повторил своего "Прометея" – уже как истинно монументальное произведение – в другом ландшафтном среде и на очень высоком постаменте. Уmeno вписал его в уже существующий архитектурный ансамбль.

Зураб Церетели повторил своего "Прометея" – уже как истинно монументальное произведение – в другом ландшафтном среде и на очень высоком постаменте. Уmeno вписал его в уже существующий архитектурный ансамбль.

Зураб Церетели повторил своего "Прометея" – уже как истинно монументальное произведение – в другом ландшафтном среде и на очень высоком постаменте. Уmeno вписал его в уже существующий архитектурный ансамбль.

Зураб Церетели повторил своего "Прометея" – уже как истинно монументальное произведение – в другом ландшафтном среде и на очень высоком постаменте. Уmeno вписал его в уже существующий архитектурный ансамбль.

Зураб Церетели повторил своего "Прометея" – уже как истинно монументальное произведение – в другом ландшафтном среде и на очень высоком постаменте. Уmeno вписал его в уже существующий архитектурный ансамбль.

Зураб Церетели повторил своего "Прометея" – уже как истинно монументальное произведение – в другом ландшафтном среде и на очень высоком постаменте. Уmeno вписал его в уже существующий архитектурный ансамбль.

Зураб Церетели повторил своего "Прометея" – уже как истинно монументальное произведение – в другом ландшафтном среде и на очень высоком постаменте. Уmeno вписал его в уже существующий архитектурный ансамбль.

Зураб Церетели повторил своего "Прометея" – уже как истинно монументальное произведение – в другом ландшафтном среде и на очень высоком постаменте. Уmeno вписал его в уже существующий архитектурный ансамбль.

Зураб Церетели повторил своего "Прометея" – уже как истинно монументальное произведение – в другом ландшафтном среде и на очень высоком постаменте. Уmeno вписал его в уже существующий архитектурный ансамбль.

Зураб Церетели повторил своего "Прометея" – уже как истинно монументальное произведение – в другом ландшафтном среде и на очень высоком постаменте. Уmeno вписал его в уже существующий архитектурный ансамбль.

Зураб Церетели повторил своего "Прометея" – уже как истинно монументальное произведение – в другом ландшафтном среде и на очень высоком постаменте. Уmeno вписал его в уже существующий архитектурный ансамбль.

Зураб Церетели повторил своего "Прометея" – уже как истинно монументальное произведение – в другом ландшафтном среде и на очень высоком постаменте. Уmeno вписал его в уже существующий архитектурный ансамбль.

Зураб Церетели повторил своего "Прометея" – уже как истинно монументальное произведение – в другом ландшафтном среде и на очень высоком постаменте. Уmeno вписал его в уже существующий архитектурный ансамбль.

Зураб Церетели повторил своего "Прометея" – уже как истинно монументальное произведение – в другом ландшафтном среде и на очень высоком постаменте. Уmeno вписал его в уже существующий архитектурный ансамбль.

Зураб Церетели повторил своего "Прометея" – уже как истинно монументальное произведение – в другом ландшафтном среде и на очень высоком постаменте. Уmeno вписал его в уже существующий архитектурный ансамбль.

Зураб Церетели повторил своего "Прометея" – уже как истинно монументальное произведение – в другом ландшафтном среде и на очень высоком постаменте. Уmeno вписал его в уже существующий архитектурный ансамбль.

Зураб Церетели повторил своего "Прометея" – уже как истинно монументальное произведение – в другом ландшафт